

Новая газ-2004-17-19 мая, -с 19

Он живет в не известной большинству стране

21 мая Борису Васильеву
исполняется 80

А в это время под Москвой, на границе с Россией, в тихом старом доме сидит за столом хороший писатель, чистый и добрый человек, русский интеллигент Борис Васильев. И работает.

Да. И работает. Думает и пишет.

Давно я его в Москве не встречал. Ну да тут достало литераторов, режиссеров, артистов, ищущих свои места в быстром времени и находящихся эти места. Среди прочих возможностей мастера культуры обрели право на существование, слегка отличное от манеры выживать в остальной России, и за небольшую цену. Цена эта — необременительная зависимость от тех, к кому эти самые мастера воспитывают у себя искреннюю любовь, ну и небольшая утрата права говорить «мы», имея в виду сограждан, которые пока еще не вполне ощутили на себе достоинства нового мира.

Между тем мир стар, ценности его давно сформулированы на взгорье у Галилейского моря, и никто их не опроверг. Разве что забыли для утешения беспокойства души. Ну так «не суди»...

В доме у Бориса Васильева из перемен — новые его книги о беспамятной нашей истории. Остальное как всегда: тепло, если сидишь у печки или разговариваешь с хозяином, на столе — отварная картошка (своя) с солеными грибами (своими), у стола — деликатная и приветливая жена Зоря Альбертовна, кошка Машка на диване и разговор. О том, как жить, не теряя достоинства и лица.

Как жить?

Птицы глушат голоса, и сквозь оранжевые окна, оправленные в синий вечер, слышны обрывки разговора:

«Вряд ли на свете существует другой народ со столь ослабленной исторической памятью, как у нас. Ничего не помним, ничему не учимся... Я написал несколько исторических романов, дал почитать... Имена героев многим знакомы, но государство, где они действуют, таинственно и неизвестно. А это наша страна...».

Обломился сук, заглушая вопрос.

«Каждый новый век — смена знамен... Десятьнадагтый. Накануне Пушкин родился, и все прошло под знаком этого восторженного гения. Чем ознаменован приход двадцатого? Ходынской. Аукнулись нам две с половиной тысячи душ... А теперь, ребята, ожидает нас смена не столетия даже, а тысячелетия. Аккуратно надо себя вести, чтобы выжить. Об этом я и пишу».

— Пишите, Борис Львович, и выживайте, пожалуйста.

Васильев отходит от окна в глубь комнаты, и голос уже не слышен, но виден прямой силуэт красивого человека. У него хорошее поле. В нем можно бродить, беседуя. Можно вспахивать вопросами, ожидая доброго урожая, можно увидеть всходы, не дожидаясь весны. А вот лгать, жестокосердствовать и предавать — нельзя.

...У каждого — свои эталоны. Я не навязываю вам Бориса Васильева. Я говорю: у каждого — свои.